Л. ЗАХАРОВА,
химцех ЧАЭС

Сорвался крик, переходя на стон
Крик вечности,
святого мирозданья
... И вот на свете появился Он
Еще без имени, еще без пониманья.

Жизнь скорость набирала, а часы
Отстукивали счет ее программы.
Кладут живой комочек на весы
И взвешивают с точностью
до грамма.

Он щурится, забавно корчит рот.
Кряхтит, когда с него
снимают мерки.
«Рост — сорок пять,
а вес — три восемьсот»,—
с улыбкой объявила акушерка.

Барахтаясь и теребя ногами,
Пустил фонтанчик,
обмочив весь бок.
Глядит молочно-серыми глазами
Куда-то на высокий потолок.

Вот привязали на руку жетон.
Где вписаны все данные о маме...
... Стучит в окно
веселой веткой клен.
Резные листья
липнут к мокрой раме.

... Но равнодушны матери глаза,
Успевшие от сына отказаться...
У акушерки на щеке слеза,
От мыслей стало сердце
разрываться.

Что никогда не сможет он узнать
Слащавый вкус грудного молока,
Не суждено блаженно засыпать,
Уткнувшись щечкой
в бугорок соска.

Как страшно оказаться
лишним вдруг,
Ненужным стать,
едва успев родиться,
И ласку материнских теплых рук
Искать по жизни,
вглядываясь в лица.

Она ушла, глаза не поднимая.
Ей вслед из окон
женщины глядели.
Спокойно шла, еще не понимая,
Что уходила в холод и метели.

А там, за окнами, соня во сне,
Лежал комочек, ничего не зная.
Столкнувшись с первой подлостью
в судьбе,
Лежал, как сверток,
брошенный в трамвае.